Н. Б. РУСАНОВА

ЭПИТЕТЫ ДЕРЖАВИНА

В последнее время значительно возрос интерес к исследованию художественного мастерства писателя, к тем приемам, с помощью которых он создает поэтические образы. В связи с этим изучение эпитета сейчас является особенно важным, потому что «эпитет — одно из самых могущественных изобразительных средств поэтической речи».[1]

А между тем эпитет до сих пор по-настоящему не изучен ни теоретически, ни в произведениях отдельных писателей. Поэзия Державина в этом отношении не составляет исключения. Цель моей работы — рассмотрение эпитетов Державина.

Но прежде чем перейти непосредственно к эпитетам Державина — несколько слов о классификации. Единой классификации эпитетов нет, и создать какую-то точную классификацию, по-видимому, вообще невозможно. Расклассифицировать эпитеты очень трудно. При характеристике эпитетов Державина в основу классификации было положено восприятие человеком окружающего мира посредством чувств и на основе опыта дальнейшее его осмысление разумом, т. е. эпитеты были разделены на чувственные (зрительные, звуковые, осязательные, обонятельные, вкусовые) и интеллектуальные. Кроме того, при разборе выделялись эпитеты в чистом виде и метафорические.

Эпитеты Державина разнообразны. Самые употребительные эпитеты — чувственные, и среди них первое место принадлежит зрительному эпитету. Это не случайно. А. И. Белецкий пишет, что «наиболее значительными из ответов нашего психофизиологического „я“ на возбуждения, идущие от внешнего мира, нам представляются ощущения слуховые и зрительные. С них

---

[1] С. И. Абакумов. Зрительный эпитет у Тютчева. «Новое дело». Научно-педагогический вестник Рабочего факультета Казанского унив., 1922, т. II, стр. 39.

начинается сознательное восприятие мира, к ним чаще всего мы обращаемся в целях его познания».[2]

С помощью зрительных эпитетов Державин рисует картины природы, описывает животных, делает бытовые зарисовки, дает портреты людей. И не просто перечисляет все, увиденное им, но, как художник, насыщает свои полотна цветом.

Вот как, например, описывает Державин приход нового дня в оде «Благодарность Фелице»:

Предшественница дня *златого*,
Весенняя утренняя заря,
Когда из понта *голубого*
Ведет к нам звездного царя,
Румяный взор свой осклабляет
На чела гор, на лоно вод,
Багряным златом покрывает
Поля, леса и неба свод.[3]

Державин был не первым, изобразившим «натуру» в колорите. Так, у Ломоносова есть подобное же описание зари:

И се уже рукой *багряной*
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет *румяной*
В поля, в леса, во град, в моря.[4]

Но подобных примеров красочного описания природы у Ломоносова мало, а у других поэтов-классиков (Сумарокова, Хераскова) колоризм отсутствует вообще. К тому же у Ломоносова краски почти везде одни и те же:

Заря *багряною* рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с Солнцем за собою
Твоей державы новый год.[5]

А в оде 1750 г. снова:

Когда заря *багряным* оком
Румянец умножает роз,
Тогда на ветвии высоком
И посреди *зеленых* лоз
Со свистом птицы воспевают...[6]

---

[2] А. И. Белецкий, Избранные труды по теории литературы. Изд. «Просвещение», М., 1964, стр. 193.

[3] Г. Р. Державин, Стихотворения. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1957, стр. 104. — В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

[4] М. В. Ломоносов, Стихотворения. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1935, стр. 48.

[5] Там же, стр. 64.

[6] Там же, стр. 75.

Напротив, у Державина цветовое ощущение мира присутствует всегда. Палитра его необыкновенно богата. Везде он находит особые, присущие данной картине краски. В стихотворении «Ключ» Державин совсем по-другому рисует зарю:

Когда в дуги твои *сребристы*
Глядится *красная* заря,
Какие *пурпуры огнисты*
И *розы пламенны*, горя,
С паденьем вод твоих катятся!
(84)

Для описания мрачной, бурной ночи поэт подбирает тревожные, даже жуткие эпитеты:

Кровавая луна блистала
Чрез покровенный ночью лес,
На море мрачном простирала
Столбом *багровый* свет с небес, —
(94)

а в «Видении мурзы» совсем иная ночь — спокойная, пронизанная волшебным золотистым сиянием:

На *темно-голубом* эфире
Златая плавала луна;
В *серебряной* своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И *палевым* своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
(109)

Любимый эпитет Державина — *золотой* — очень ярок. И всегда картины, образы, созданные поэтом, насыщены цветом. Пишет ли поэт о земле или о небе, для него прежде всего важна красота окружающего:

Взгляни, взгляни вокруг
И виждь — красы природы
Как бы стеклись к нам вдруг:
Сребром стекают воды,
Рубином облака,
Багряным златом кровы;
Как *огненна* река,
Свет *ясный*, *пурпуровый*
Объял все воды вкруг...
(173)

Недаром младший современник Державина И. И. Дмитриев назвал его «живописцем природы».

Иногда, стремясь как можно точнее передать краски, поэт использует сложные эпитеты, составленные из сочетания не только двух (*черно-зелены*), но и трех (*лазурно-сизо-бирюзовы*) красок.

Кстати, о сложных эпитетах Державина. У него их очень много. Б. В. Томашевский пишет, что эти эпитеты создали даже целое направление в литературе. Он же выделяет из них «гомеровские» эпитеты, т. е. точные переводы с греческого,[7] и по перечню, даваемому в приложении к статье А. С. Орлова «Телемахида», показывает, что у Державина такие эпитеты есть, но они не цветовые. Цветовые эпитеты Державин не заимствовал, он не просто брал и составлял вместе случайные цвета, а всегда тщательно продумывал их подбор. Как правило, вторая часть эпитета ярче первой и направлена на то, чтобы оживить краску, сгустить и сделать ее ярче: *бело-румяный*, *черно-багровый*, *красно-желтый*, *сребро-розовый* и т. д.

Но не только природу рисовал Державин. Прежде всего поэта интересовал человек с его привычками и вкусами. И каждый свой персонаж Державин характеризует по-разному. Будь то Екатерина II, Бакунина, Дашкова или горничная, староста — эпитеты в каждом случае новые, подчеркивающие те качества, которые присущи именно этому человеку. Разница в характере эпитетов объясняется, конечно, и разницей жанров. Державин не мог позволить себе употреблять в оде такие же эпитеты, как в дружеском послании.

Интересно, как Державин характеризует глаза. У Ломоносова, кого бы он ни воспевал в одах, глаза только *светлые*, *пресветлые* и *небесные*. Державин для каждого портрета подбирает эпитеты, точно характеризующие глаза персонажа: *соколий* взгляд русских девушек, очи *голубые* Венеры, *тусклый* от слез и страха взор Андромеды, *агатовоокая* дева (А. С. Стурдза — полурусская-полугречанка по происхождению) и др. Это характерно не только в изображении людей, но такой подход распространяется и на животных: *солнцеокий* осетр, *красноокие* рыбы, *желтоглазый* сыч (но из дупла, т. е. из темноты, он смотрит *огнезеленым* взглядом) и т. п.

Державин, вслед за Горацием, называл поэзию «говорящей живописью». И иногда поэтические картины, созданные Державиным, по красочности и тщательному описанию деталей

---

[7] Б. В. Томашевский. Стилистика и стихосложение. Учпедгиз, Л., 1959, стр. 205.

напоминают полотна фламандских живописцев. Например, описание праздничного стола:

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят. . .
(99)

Интересно и то, что некоторые приемы передачи цвета в живописи поэт переносит в стихи. Например, художники считают самым трудным передать цвет живого тела — белизну с неприметно проступающей смесью красного и синего. И Державин при характеристике человека с красивой кожей акцентирует внимание читателей именно на смешении этих цветов:

В жилках рук ее пуховых,
Как эфир, струилась кровь. . .
(352)

Как сквозь жилки *голубые*
Льется *розовая* кровь. . .
(282)

В зрительных эпитетах Державина прежде всего отразилось стремление поэта передать цветовое ощущение мира. Цветовую характеристику у Державина иногда приобретают явления, которым не присущ цвет: *бледный* хлад; *ярый, сизый* гром.

Среди зрительных эпитетов Державина есть эпитеты, заимствованные из народной поэзии: *белы* руки, девы *красны*, лебедь *белая, черные* враны, а иногда и образы — по камню ль *черну* змеем *черным;* по влаге ль *белой* гусем *белым.*

Как уже говорилось выше, среди чувственных эпитетов Державина чаще всего встречаются зрительные. Звуковых, осязательных, вкусовых и обонятельных значительно меньше. Это объясняется, во-первых, тем, что в отношении вкуса и запаха, как отметил еще Винкельман, человеку «не хватает ясных понятий». Звук же быстро гаснет, замирает, его надо уловить, проанализировать и определить, а потом уже найти его художественное обозначение. Во-вторых, наш язык необычайно беден словами для точной характеристики этих ощущений. А. И. Белецкий писал, что «поэтическая наглядность, очевидно, скорей достигается переводом одних ощущений в другие, чем их пря-

мым выражением, чем испытываемое ощущение проще, тем труднее и сложнее его словесное выражение».[8] Поэтому для характеристики звука, вкуса, запаха и т. д. поэты часто используют сравнение с чем-то близким и похожим. По-видимому, и тот факт, что звуковые, осязательные и другие эпитеты почти у всех поэтов одинаковы, объясняется также бедностью словаря для передачи этих понятий.

Но обратимся к эпитетам Державина. Для характеристики звука поэт употребляет, например, такие эпитеты: *жужжащий* —

На рощах липовых, цветущих
Рои *жужжащих* пчел вокруг;
(137)

звучный, шумный —

Источник *шумный* и *прозрачный*,
Текущий с горной высоты.
(83)

Но помимо этих эпитетов, в которых уже как бы содержится сам звук, Державин использует ряд эпитетов, благодаря которым поэт передает качества звука — *скорбный, темный, плачевный* стон; *грозный* смех; *веселый* глас; *пылкий* тон; *жалкий* звук и т. д.

Во многих случаях Державин характеризует звук при помощи эпитетов, которые указывают на источник звука, а поскольку источники разные, то и звуки также различны. Например, *свирельный* —

И ложной славы громки трубы
В *свирельный* глас не пременять;
(152)

трубный —

Я слышу вдалеке там резкий *трубный* зык,
(168)

соловьиный, бранный (тот храбрым был средь *бранных* звуков), *ловецкий* (*ловецки* раздаются роги) и т. д.

Многие звуковые эпитеты, которыми пользуется Державин, встречаются и у других поэтов, например Ломоносова, Хераскова, Карамзина. И у них струны *звонкие*, воды, волны *шумящие*, вздыханье *тихое*, реки, огонь *ревущие*, вытье *глухое* и т. д.

---

[8] А. И. Белецкий. Избранные труды, стр. 203.

У Державина помимо этих эпитетов встречаются сложные звуковые эпитеты, в которых одна часть характеризует звук, а вторая — предмет, из которого он извлекается, либо силу звука, благодаря которой его слышно на большом расстоянии:

Нет, арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий согласьем *тихострунным*,
Как эхо, мне вдали щекочет нежно слух...
(275)

Ударь во сребряный, священный
Далеко-звонкий, Валка! щит...
(279)

Среди звуковых эпитетов Державина встречаются метафорические эпитеты, такие как *резкий* звук (перенос ощущения, получаемого от режущего предмета, на характеристику звука), эпитеты *ярый, сизый, яркий, светозарный* (перенос зрительного восприятия). Последние три эпитета особенно своеобразны и чисто державинские, так как они дают цветовое восприятие звука, что свойственно очень немногим людям:

Простри крылатый, *сизый* гром...
(143)

И свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява, мрачна ель
Напев твой *яркий*, голосистый
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает.
(230)

Осязательные эпитеты можно подразделить на «температурные» и «мускульно-двигательные», т. е. характеризующие ощущения, получаемые при непосредственном соприкосновении с предметом.

«Температурные» эпитеты следующие: *теплый* (теплой осени дыханье), *раскаленный* (ядро казалось раскаленно), *знойный, прохладный* (не в летний ль знойный день прохладный ветерок), *жаркий* (под жарким светлым небосклоном) и два метафорических эпитета — *лютый* (и зиму люту) и *жестокий* (в жестокий мраз — одушевление явлений природы).

Кроме того, среди «температурных» эпитетов встречается сложный эпитет *лучезнойный*, характеризующий не только само ощущение, но и источник его:

[об облаке]
Под *лучезнойной* тяготою
Разорван молнии стрелою,
Обрушась, каплями падет...
(309)

«Мускульно-двигательных» эпитетов меньше. Это — *твердый* (на твердом мраморном помосте), *сухой* (среди *сухих*, седых зыбей), *острый* (когда меч острый, обнаженный), *мягкий* (на мягку мураву воссел), *легкий* (в прогулку с легким посошком), *колючий* (покрыл везде колючий терн).

Еще менее разнообразны обонятельные и вкусовые эпитеты. Среди обонятельных эпитетов находим: *ароматный, благовонный, благоуханный, душистый, серный* и т. д. Этими же эпитетами пользовались поэты до Державина и после него. Как у Державина, так и у них встречаются *ароматные* крины, *благовонные* фимиамы, *благоуханные* пары, *душистые* розы и древа. У Державина кроме душистых дерев и роз есть и душистые соты и душистый чай:

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь *дымистый*;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай *душистый*.

(331)

Кроме того, чтобы как-то разнообразить эти немногочисленные обонятельные эпитеты, Державин использует для характеристики запаха географические термины:

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне *манжурской* иль *левантской*, —

(327)

т. е. запах кофе или чая.

Так же мало вкусовых эпитетов. Это — *сладкий:*

Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду *сладкого* не надо,
Лишь бы в поле пострелять, —

(278)

заимствование из фольклора — *сахарные яства:*

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
и яствы *сахарны* царей, —

(225)

соленый — в пословице, употребляемой поэтом в «Видении мурзы»:

И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов, —
(113)

лакомый, вкусный, вкуснейший, добрый (добрых щей — метафорический эпитет, возникший в результате переноса качества человеческого характера на вкусовое восприятие) и *простой*:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая *простая*
Бывает за твоим столом.
(98)

Кроме того, так же как и при характеристике запаха, Державин пользуется географическими терминами, стремясь более точно передать особенность того или иного блюда. Так, в стихотворениях Державина имеются: окорок *вестфальский*, рыба *астраханская, шекснинская* стерлядь, *зельцерская* вода, пиво *русское с британским* и *злато-кипрское* вино — сложный эпитет, который одновременно сочетает в себе передачу зрительного восприятия — *злато* — и вкусового — *кипрское*.

Такие вкусовые эпитеты, как *кислый, горький, терпкий*, в поэзии Державина почему-то не встречаются.

Следующий большой разряд эпитетов Державина — эпитеты «интеллектуальные». Почти все эти эпитеты метафорические и тесно связаны с чувственными эпитетами, так как возникли в результате переосмысления разумом зрительных, осязательных, вкусовых и других восприятий. Например, эпитет *великий:*

Пещеры обитатель дикий,
Из тьмы ужасной *превеликий*
Выходит лев.
(293)

Это зрительный эпитет и в данном стихотворении («Фонарь») употреблен в своем основном значении, т. е. очень большой лев.

Совсем иное содержание эпитет «великий» получает в следующих строках:

Чтобы вселенныя владыки
И всяк ту истину узнал:
Где войски Зороастр *великий*
Образовал и учреждал
И где *великую* в них душу
Великая Фелица льет, —
Те войски горы, море, сушу
Пройдут — и им препоны нет.
(143)

Здесь имеется в виду уже не рост человека или объем души, а совсем иные качества — ум, известность, талант, душевная стойкость и отвага войск.

Приведем ряд метафорических эпитетов Державина, возникших в результате переноса их основного значения, полученного от зрительного восприятия: *бурные* дни (ср. бурные реки), *глубокое* молчание (океан глубокий), *чистая* совесть, *чистое* сердце (небо чистое) *златая* челядь (снопы златые), *светлый* (светлый водопад) и др.

Очень интересен метафорический эпитет *бледная* зависть. У Ломоносова зависть только *темная*. Державин снимает оттенок коварности, зато усиливает презрение к тому человеку, который испытывает зависть.

Следующие эпитеты Державина возникли в результате переноса осязательного восприятия: *жаркая* морда коня (ср. жаркий день), *крепкий* сон (крепкий орех), *легкая* серна, *легчайший* сон (легкий посох), *острое* словцо (острые стрелы), сложный эпитет *твердокаменная* грудь, указывающий не только на твердость, но и на степень твердости — как камень, твердые души, твердый нрав (твердый мрамор):

Приди, и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство —
Приятный только вкус, опрятство
И *твердый* мой, нельстивый нрав. . .
(223—224)

Но метафоричность интеллектуальных эпитетов возникла не только при переносе зрительных и осязательных восприятий. Можно найти ряд эпитетов, возникших в результате переноса вкусовых восприятий — *горькие* слезы, *сладкие* слезы, *сладкий* сон, сердце *черствое*; звуковых — громкие дела, и даже обонятельных — *смрадный* позор.

Некоторые эпитеты получили свою метафоричность в результате переноса качеств человеческого характера на неодушевленные понятия и предметы: *гневная* челюсть, *жадный* слух, *здравый* рассудок, *лихой* свет, *невинны* красоты природы, *печальная* урна и т. д.

Из вышесказанного видно, что Державин для достижения художественной выразительности широко использует эпитеты. Державин изучал человека, жизнь и всему старался дать поэтическое определение.

Державин создал яркие картины природы, и в отношении красок его не удалось превзойти и романтикам 1830-х годов, которые постоянно жаловались на бессилие слова. Именно ко-

лоризм Державина дает повод некоторым литературоведам относить его к поэтам стиля барокко.

Многие эпитеты Державина поражают своей оригинальностью (*бледная* смерть, *яркий* напев соловья, *хрупкий* лист) и иногда выходят за пределы, возможные при определении данного понятия, — мгла *широкая* и *глубокая*, *тонкий* взор, *сизый* гром и др.

Хотя Державина некоторые исследователи относят к поэтам-классикам, его поэзия далеко выходит за рамки классицизма и содержит в себе истоки последующих направлений в литературе — сентиментализма, романтизма и реализма. Это можно проследить и на державинских эпитетах.

Так, сентименталисты проповедовали прелесть уединенной жизни среди природы, наслаждение сельской природой, и эпитет *сельский* стал у этих поэтов очень употребителен. И у Державина, правда только намеченные, можно найти сходные настроения:

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел,
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
(231)

О, если бы, — она вещает, —
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность, —
Сии *картины* наши *сельски*
К нам наших созвали б друзей.

Некоторые картины природы, созданные Державиным, по своим мотивам как бы предвещают манеру письма и настроение романтиков:

Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих, *трепетна*, *бледна*,
Проглядывала вниз луна.
(181)

Державин оказал большое влияние на последующих поэтов. В. Г. Белинский писал о влиянии Державина на Пушкина, Л. В. Пумпянский обнаруживает эту связь в творчестве Тютчева и Фета, а Ю. Н. Тынянов говорит о влиянии Державина на творчество Маяковского.

Пока что литературоведы только нащупывают нити, связывающие этих поэтов с Державиным. Дальнейшее исследование художественных приемов и мастерства поэта позволит установить более полные и точные связи между Державиным и последующим развитием русской поэзии.